

ПУТЬ К ШКОЛЕ-ПАРК

Ольга Леонтьева (Балабан)

Милослав Балабан

Взгляд на систему образования Милослава Александровича Балабана (1927-2005) изменил представление о школе у многих ученых и педагогов. Его концепция этики образования «Школа-парк», впервые опубликованная в газете «Первое сентября» в 1992 году (№ 24), задавала новые рамки: от замкнутых разновозрастных классов нужно отказаться как можно скорее, обучение должно идти в открытых образовательных пространствах, это даст возможность детям развивать собственные способности, а педагогам придется учитывать таланты каждого ребенка.

Его идеи, включая название концепции «Школа-парк», сегодня многие считают своими. Класс-школу не критикуют только ленивый, некоторые повторно вводят понятие школы-парка и вкладывают в него совершенно другие смыслы. К индивидуализации образования призывают на всех уровнях, строятся новые элитарные учреждения, но... попытки ввести серьезные, ориентированные на личность каждого учащегося изменения в массовую систему образования лишь разрушают ее.

А нужно просто постараться понять, что включается в себя новая этика образова-

ния «Школа-парк», корни которой лежат в истории жизни Милослава Балабана.

Папа

Я не биограф Милослава Балабана, я его дочь.

Когда у меня-пятилетней болело горло, меня лечили медом, лекарствами и папиными веснушками (он был рыжий-конопатый, как солнышко): я их «отщипывала» у него с руки, «ела», и боль проходила.

Когда ко мне-педагогу собрались прийти первые в моей жизни методисты-проверяльщики, он сказал: «Имеешь право их не пускать на урок. Они должны помогать, а не контролировать. Когда придет время, сама позовешь». Так и сделала: сначала не пустила на свои занятия, а через полгода провела открытый урок. Большинство таких уроков проводятся по сценарному принципу, дети заранее знают, кто и что будет говорить. Но отец сказал: «Покажи, что твои дети умеют учиться, ты же этому их учишь. Сначала продемонстрируй, что ребята не знают ответы на твои вопросы, потом дай им несколько минут на подготовку... Методисты не поймут? Уволят? Запомни: дальше фронта не пошлют, зато и тебе, и другим интересно будет!». Я последовала совету: не бояться, показать процесс обучения, а не его результат. Да, это был очень интересный урок... Кстати,

меня никто не уволил, напротив, послали на какой-то учительский конкурс.

Отец никогда и никого не боялся. Он радовался жизни и был готов учиться всему на свете. Заставить его делать то, чего он не хочет, было невозможно: учиться — да, отвечать за свои поступки — да, бояться дураков — нет. Он был полиглотом, знал наизусть множество стихов, мог цитировать и Библию, и знаменитых историков, и философов прошлого и современности. Как он радовался, когда не мог ответить на вопрос: «Ого, а я не знаю! Давай попробуем разобраться, тащи (эциклопедию, словари и т.д.). Вот так задачку ты мне поставила!». Чужое незнание всегда было поводом для нового этапа в учебе, никогда — для осуждения.

Шестилетним мальчишкой он торговал на улицах родной Одессы: «Каааму воды холодной с лёёёдом?» — бабушка много работала, за сыном присматривать было некогда, а кушать хотелось. Чуть было не стал «уркой», о своих «вступительных экзаменах» часто со смехом вспоминал: «Я к ним тогда очень хотел попасть, их компания мне казалась такой привлекательной. Но представляешь, в урки без экзаменов не принимали! В «комиссии» — вся банда. Надо было что-то украсть, сделав это «красиво». Моей фантазии хватило только на пачку сигарет, троечку мне поставили, принимать не хотели. Вскоре мы уехали из Одессы. К счастью».

В Горьком его мама стала директором школы для детей с отставанием в развитии (сегодня это была бы школа VIII вида). Когда им потребовался учитель физкультуры, им стал пятнадцатилетний Милосик. «Работать с любыми детьми можно только индивидуально. Чтобы научиться понимать и принимать их, нужно обязательно поработать в такой школе, — объяснял он мне. — Понимаешь, эти дети не умеют притворяться. Рубят правду-матку, многое о себе узнаешь и поймешь. Их нельзя об-

мануть, заставить что-то делать насильно. С ними можно только подружиться, поэтому помочь им чему-то научиться способны лишь самые лучшие учителя».

Солдат

Пошел добровольцем на войну. Часто вспоминал, как однажды его, семнадцатилетнего парнишку, хотели заставить идти в пургу «за дровами» - на самом деле, отправляли на верную смерть. Отказался. Дрался. Добился уважения. Внуку: «Подчиняться подонкам нельзя, это их раззадоривает и делает сильнее. За право быть собой нужно бороться, даже если тебе страшно».

После боев в каждой европейской столице ходил в музеи, посещал знаменитые усадьбы, интересные места. «В Варшаве отправился искать зоопарк. Спрашиваю по-русски, по-английски, по-немецки, потом начал животных изображать, а мне поляки хором: «А! Жверинец!» До зверинца-то я не додумался!»

Был метеорологом, летал на «пешке», иногда переводил с немецкого — выучил на войне. Брал Берлин, был контужен. Справку о контузии выбросил сразу после выхода из госпиталя: «Чтобы я, 17-летний, признал себя инвалидом? Никогда!». О возможных льготах (как и другие фронтовики) не думал. Нет — и не надо, все и без них прекрасно.

Студент

Вернувшись с фронта, поступил в МГУ им. Ломоносова на мехмат. Проучился год, стало скучно: «Препы хорошие, но заниматься всю жизнь математикой не хотелось». Перевелся в Горьковский педагогический, стал учиться сразу на двух факультетах иняза: английского и французского языков. Как подготовился? «Сам, конечно. Взял книжки, начал читать, и подготовился. Ничего особенного».

Учился в свое удовольствие, на тройки. Его считали самым умным, но безалаберным. Много ходил по книжным магазинам и закупал комплекты адаптешек на английском и французском, для будущей работы. Дружил с преподавателями «из бывших», ходил к ним домой, спорил о педагогике и литературе. Учился тому, чему считал нужным. У тех, у кого готов был учиться.

Учитель

По распределению поехал на Дальний Восток. За ним туда отправилась и моя беременная мама. Приехала и ужаснулась: в комнате не было ничего, кроме книг. Ни кровати, ни одежды, ни белья...

Как бывшего фронтовика и единственного мужчину Милослава Александровича назначили директором вечерней школы. В одном классе обучать вчерашних девятиклассников-солдатиков и еще до войны закончивших начальную школу майоров было невозможно. Всех протестировал и распределил по разным группам, чтобы каждый смог почувствовать себя успешным учеником. Работал по 50 часов в неделю, от истощения его увезли в больницу, откуда он на следующий день сбежал.

Кто-то из недовольных тем, что его, не смотря на высокое военное звание, определили не в выпускной, а в пятый класс, написал донос: унижают доблестных защитников Родины. Отца вызвали в парток и потребовали положить партбилет на стол. «Не положу». «Почему?!» «Потому что я — не член партии». Не посадили — выгнали.

Собрал вещи и уехал. Мама — за ним, в Кулебаки Горьковской области, с моим старшим братом на руках (через год на свет появился второй брат). Стал преподавать английский в металлургическом техникуме: студенты читали адаптированные и оригинальные книги на английском

и пересказывали их друг другу. Начал писать учебник для металлургических техникумов. Снова выгнали — работал не по установленной программе.

Другой бы расстроился, а он обрадовался — появилась возможность поступить в аспирантуру. Но кто будет доучивать его студентов до конца учебного года? Попросил маму, которая преподавала французский, а английский знала слабовато: «Тебе делать ничего не надо, я со студентами договорился, они сами занятия проводить будут». Она поверила — ему трудно было не верить.

Все оказалось точно так, как говорил отец. Класс, звеня военными медалями (студенты — бывшие фронтовики), встал, приветствуя молодую преподавательницу. Она немного растерялась — как можно учить такое количество взрослых мужчин? Студенты действительно все делали сами: в парах пересказывали на английском прочитанные дома книги.

Закончил писать учебник, который был тут же переведен на китайский язык, поступил в аспирантуру МГИМО и с упоением начал заниматься. Встретил там своего бывшего студента и сильно удивился, ведь учил его в металлургическом техникуме. «А чего Вы удивляетесь? Я когда техникум закончил, понял, что кроме английского ничего толком не знаю».

Совершенно случайно попал на работу в ЮНЕСКО — немногие в те годы знали, как он, три иностранных языка. Легко бросил эту престижную должность в Париже, узнав, что тяжело заболела жена.

В партию так и не вступил, поэтому, защитившись, смог устроиться работать только на Украине, в запорожский пединститут.

Учёный

Для многих защита кандидатской диссертации — лишь карьерный шаг, для Милослава Александровича это событие ста-

ло началом полномасштабной исследовательской практики. Вместе со студентами он начал поиск эффективной методики обучения иностранным языкам. Обсуждали — спорили — проверяли гипотезы.

Его студенты учились на классической английской литературе, которую читали в огромных количествах, но... по собственному желанию. Их никто не заставлял, ведь они были партнерами в исследовании. На других лекциях и семинарах они могли сачкануть, у Балабана — никогда. Он пытался объяснить коллегам: все дело в том, что каждый имеет право продвигаться с собственной скоростью, понимать на своем уровне, и делиться своим пониманием с другими.

С ним начали бороться. Обвинили в перегрузке студентов, собрали комиссию... Студенты единодушно выступили в его защиту, большинство коллег смирились и, вопреки начальству, провели его по конкурсу на следующий срок работы в институте. Милослав Александрович решил уйти из этого института и искать новых соратников.

Из письма выпускников запорожского пединститута:

...Вы, наверное, знаете, что мы ужасно Вас любили и на всю жизнь благодарны Вам за английский, который Вы подарили нам, за Ваш стиль в работе — ну, просто спасибо Вам за Вас. Я всегда ревную к тем, кого Вы учили после нас, ведь они, конечно, знали язык еще лучше, значит, больше радовали учителя. Но у нас есть на всю жизнь одно преимущество — мы были первыми. Хочется верить, что у Вас все хорошо: радуют успехами сыновья, растет дочь, не стареет и, как прежде, все успевает жена. А работа? Интересно? Трудно?..!

Отец всегда со смехом рассказывал, что в МГИМО на работу его не взяли по причине беспартийности. Мол, делай как

все, работа хорошая, партбилет карман не оттянет. Он предпочел остаться свободным и стал преподавать методику и лингвистику в Орехово-Зуевском пединституте (ОЗПИ).

Вместе со студентами апробировали созданную ранее методику: на студентах других факультетов и в школе, во время практики.

Из письма выпускницы ОЗПИ:

... Попала в школу-интернат санаторного типа. Классы небольшие, дети тяжелые, в основном из неблагополучных семей, родители пьют. В школе не было английского целый год, так что мне приходится наверстывать упущенное. В 6-м классе это делать легко, они еще с интересом занимаются, стараются. Про пятимашек и говорить нечего. А вот со старшими у меня просто беда... ничего не получается. Работаю только я, а они молчат и мило улыбаются, ничего не говорят ни по-английски, ни по-русски... Как мне с ними работать? Ничего, что-нибудь придумаю, прежде всего, попробую почитать им книжку... У меня на уроке был директор, похвалил, сказал, что хорошо держусь с классом. А я вспомнила свой первый урок, во время педпрактики. Я тогда была злая-презлая, дети сидели тихо-тихо, боялись, что я выгоню из класса. А Вы тогда сказали: «Интересно, она у вас всегда такая злющая?»...

Знаете, что я усвоила из Ваших лекций? Не бывает уровня абсолютного непонимания, нужно просто сделать так, чтобы ребята не боялись сказать то, что поняли, пусть даже если они поняли это не так, как ждет учитель...

Примерно тогда и возникла идея создания совершенно иной образовательной модели, в которой люди разных возрастов будут помогать друг другу идти к знаниям индивидуальным путем, со своей скоростью. Поддержали молодые преподаватели.

В экспериментальную группу взяли студентов разных курсов, еле-еле сдавших последнюю сессию. Уже через год с сессией легко справлялись все, причем большинство стали отличниками. Учились просто: каждый пытался разобраться в чем-то своем, потом объяснял это другому студенту, часто — тому, кто на курс младше. Занятия не пропускали, потому что... и интересно, и друга подвести нельзя.

Часто первая пара начиналась в электричке, от Орехово-Зуева до Москвы как раз чуть больше полутора часов. На вторую пару отправлялись в музей (проводили лекции на английском об экспонатах), шли в Библиотеку иностранных языков или в Иллюзион — читать, смотреть фильмы на английском... Последняя пара — снова в электричке, вот и учебный день прошел.

В один из таких дней в Москве столкнулись с группой американских студентов, которые, услышав родную речь, подошли познакомиться. На следующий день человек с атлетической фигурой в темных очках звонил в нашу дверь: «Папашка дома?» — именно так он спросил меня, открывшую дверь. Они долго разговаривали, а через пару недель отца в очередной раз уволили.

Из письма выпускников ОЗПИ:

... От имени всех студентов, Ваших соратников, поздравляем Вас с Днем учителя!.. Через всю жизнь мы пронесем то, на что Вы нас вдохновили — честность и преданность делу, энтузиазм и поиск...

Время для осмысления

Началось время поиска работы и осмысления сделанного. Работал преподавателем в ВИЯКЕ: «Там почти все стучат друг на друга, очень трудно». Организовывал вместе с Игорем Шехтером курсы изучения иностранных языков, вел группу: «У меня там разные люди, есть один из ЦК КПСС, ему труднее всех. Никак не может войти в новую для себя роль — челове-

ка, готового смеяться над собой, ошибаться, учиться. Мы ему дали имя Умба-Юмба. Он сначала возмутился, но теперь ничего, смирился, стал учиться вместе со всеми»...

В результате стал работать в МГУ. И начал анализировать накопленный опыт. Понятно, что в школе есть очень хорошие учителя, но почему они всегда в оппозиции общей массе? Может быть, что-то внутри самой системы мешает педагогам развиваться?

Учитель приходит в класс, закрывает дверь... и учит детей, у которых совершенно разные опыт, способности, желания. У учителя — программа, у детей — жизнь. Кто и когда решил, что нужно всех детей учить одному и тому же? Основателем современной массовой школы считают Яна Амоса Коменского. Он, протестант, создавал школу, чтобы каждый ребенок смог самостоятельно читать Библию и услышать Слово Божие. До этого момента ребенок (по Коменскому) — чистая доска, недочеловек. Коменский был сыном мельника, с детства наблюдавшим, как работает обработка семян. Школа очень похожа на мельницу: первый помол, второй... Те, кто не освоил программу, должны пройти ее еще раз — повторную обработку.

Концепция Школы-парка создавалась медленно. В нее вошел анализ истории философии и педагогики, опыт экономиста Адама Смита, исследования биологов и психологов. Накапливалась масса доказательств невозможности гуманистического образования в рамках классно-урочной системы, созданной для стирания границ личности.

Новую школу Милослав Балабан назвал Школой-парком. Чтобы не обижать тех, кто работает в уже существующей системе, и показать, как можно создать школу, в которой каждый ученик сможет найти своего учителя, а каждый педагог обязательно будет искать новые пути взаимодействия с детьми — людьми, которые приходят к нему учиться.